

ВЛАДИМИР БОНДАРЕНКО

БЕЗ ЛИТЕРАТУРЫ

21 ноября рано утром, как когда-то в советские времена, в Кремль на очередной съезд советских писателей, только гораздо дальше от центра, аж на границу с МКАДом, в здание Университета Дружбы народов подтягивались писатели. А с ними и учителя, издатели, журналисты, артисты, телеведущие. В большой зал набралось около тысячи человек.

Независимо от цели встречи и места её проведения, я рад был этому событию, ибо имел возможность вновь увидеться с Олжасом Сулейменовым, Борисом Олейником, китайским славистом Чжэн Тиу, французским славистом Рене Герра, главным редактором газеты “Единение” в австралийском Сиднее Володей Кузьминым, да даже и с москвичами из другого Союза писателей Сергеем Чуприниным, Русланом Киреевым, Анатолием Кимом, Евгением Рейном, с кем мне редко приходится встречаться. Тут же и наша активная молодёжь: Сергей Шаргунов, Герман Садулаев, Андрей Рудалёв, Дмитрий Новиков, Алиса Ганиева, Всеволод Емелин... Они и сами не могут разобраться, кто из них в каком союзе состоит.

Инициаторами встречи выступили родственники и потомки классиков русской литературы. Честно говоря, была в этом какая-то искусственность. В чём-то прав Эдуард Лимонов, который, отказавшись от участия во встрече, сказал, что он бы послал к родственникам и потомкам какого-нибудь своего потомка. Эти потомки и сидели на сцене, оставив в центре место для Путина. Они и вели в процессе собрания главную дискуссию друг с другом: Достоевский спорил с Солженицыной, в какой из тюрем хуже сидеть, а Наталья Дмитриевна Солженицына дружески общалась с Александром Шолоховым. Елена Пастернак выступала против любого объединения писателей, и было непонятно, зачем она пришла на эту встречу. Вёл встречу советник Президента Владимир Ильич Толстой.

Ехидные либералы во главе со Сванидзе сразу же окрестили участников этой встречи “детьми лейтенанта Шмидта”. Но, скажу честно, дух встречи, её смысл был совсем в другом. Потомки были лишь красивой вывеской мероприятия, которое могло бы стать переломным в истории нынешней России.

Кремль решил провести некое объединяющее Российское литературное собрание, соединив и писателей из разных творческих союзов, и учителей литературы, и книгоиздателей, и журналистов, и даже артистов театра и кино – всех, кто хоть как-то связан с литературой. Пригласили славистов со всего мира, прессу. Слетелись литераторы со всей России. Денег не пожалели. И потому закралась у меня надежда, что и впрямь задумали нечто

серьёзное, объединяющее всю российскую литературу воедино, возрождающее единую российскую книготорговлю, поднимающее преподавание русской литературы в школе и вузах на самый высокий уровень.

У иных участников было мнение, что руководство России по-сталински решило, как в 1934 году, объединить все ЛЕФы, РАППы и так далее в единый творческий организм и сделать это новое литературное сообщество центром духовного единения страны, центром будущего развития её. Другие думали, что это поляковская группировка хочет таким образом сменить власть в литературном руководстве. Третьи решили, что действует “яснополянская мафия”, в которой числили меня чуть ли не “серым кардиналом”. Слухи ходили самые разные.

Если бы и впрямь было решено создать некую общую писательскую Ассоциацию, объединяющую все творческие союзы, я был бы только рад, о чём неоднократно и писал. За это на меня набрасывались мои патриотические оппоненты: как мы можем находиться вместе с нашими врагами? Как могут сидеть в одном правлении, к примеру, Станислав Куняев и Станислав Рассадин? Как объединить патриотику и либерализм?

Да не надо их объединять! Мои молодые или позабывшие прошлое оппоненты забывали, что те же Куняев и Рассадин сидели десятилетиями в одном правлении Союза писателей СССР — и ничего! И великая литература была, и никто не заставлял Куняева мыслить по-рассадински и наоборот.

А вот реально после такого объединения государство могло бы оказывать развитию литературы самую существенную помощь, да и писатель впервые почувствовал бы себя человеком в нынешнем обществе — это несомненно. Ведь пока в перечне российских профессий профессия “писатель” и даже просто “литератор” — не значится. Юридически мы в нашей стране — никто, не существуем. В своём выступлении на этой встрече наш Президент Владимир Путин, по привычке ругая советское общество, вдруг вспомнил Иосифа Бродского: “И пенсий нет. Согласен. В этой связи даже невозможно получить средства в случае болезни. Да, это реальная проблема. Но когда Иосиф Бродского, о котором вы вспомнили, высылали, и шёл судебный процесс, его судья спросил: “А что, вы ничем не занимались? Ничего не делаете?” Он говорит: “А я поэт”. Она говорит: “А кто вас назначил поэтом? Кто вам сказал, что вы поэт?” Тоже, понимаете, далеко не всё было в порядке...”

Но Иосиф Бродский хотя бы не числился тогда ни в Союзе писателей, ни даже в каком-нибудь профсоюзе литераторов — чиновникам было за что зацепиться. Сегодня будь ты даже членом десяти творческих союзов, для чиновников ты — никто. Тот же самый тунеядец! Разве что не высылают в Архангельскую область...

Государственная Ассоциация могла бы восстановить все литературные объединения при заводах и институтах (через которые, кстати, проходили и тот же Иосиф Бродский, и Николай Рубцов, и многие другие), пробить по примеру США ставку “поэт при университете”, куда бы каждый год назначали нового признанного поэта, выделяя ему грант на приличное годичное нормальное проживание, могла бы заставить наше телевидение восстановить беседы с писателями и критиками о современной литературе в самое престижное время на всех ведущих телеканалах. Много чего она могла бы...

Но на этом *распиаренном* Российском литературном собрании ничего подобного высказано не было. Если честно, нашу встречу нельзя было даже назвать литературным собранием, ибо это была лишь дежурная встреча Президента со своими избирателями, в данном случае — с писателями, журналистами, учителями литературы и книжными издателями. Да и вопросы, как правило, были согласованы заранее, отрепетированы. Никаких вольных выступлений. Впрочем, и выступающих, вернее, задающих вопросы Путину было не так уж много. Дали слово телеведущим Александру Архангельскому и Игорю Волгину, главному редактору “Литературной газеты” Юрию Полякову, главному редактору “Свободной прессы” Сергею Шаргунову, председателю Союза писателей России Валерию Ганичеву, ректору Литературного института Борису Тарасову, директору издательства “Эксмо” Олегу Новикову, актёру Сергею Безрукову.

Вот, пожалуй, и всё. Ни Сергею Есину, ни Владимиру Личутину, ни Олегу

Павлову, ни Дмитрию Новикову, ни Всеволоду Емелину, ни Александру Сегеню, Павлу Крусанову из Питера слова не давали. Отмолчались и Валентин Распутин, и Валентин Сорокин, и Евгений Рейн...

Как таковой современной русской литературы как бы и не было на этом собрании, а были лишь функционеры и руководители секций, кандидатуры которых были согласованы в администрации Президента. К примеру, нашей секцией критики руководила Ирина Барметова. Я ещё до собрания спрашивал у организаторов: что, ни одного критика не нашлось? Не подходил патриот Бондаренко, пригласили бы Сергея Чупринина, Евгения Сидорова, Павла Басинского. Мы хоть мало-мальски в литературе современной разбираемся. А кто такая Ирина Барметова? Когда-то она была младшим редактором в моём отделе критики, такая красивая молодая девушка, за которой я даже пробовал приударить. Со временем она стала главным редактором журнала "Октябрь". Очевидно, она способный менеджер, но за всю свою жизнь она не написала ни строчки! Какой критикой она может руководить? Найдите Андрея Немзера, Льва Данилкина, даже Наталью Иванову – было бы с кем поспорить о литературе! И я уверен, в этом выборе выступающих дело было не в их национальностях или идеологических пристрастиях, просто со всеми главными редакторами в Кремле хоть изредка общаются, инструкторы по культуре связываются с ними, все – проверенные клиенты. А мало ли что может наговорить Владимир Личутин, допусти его к Президенту? Мало ли что скажет Олег Павлов? Мало ли куда занесёт Всеволода Емелина?

Потому никого из ведущих критиков с вопросами к Президенту не подпустили – ни Сергея Чупринина, ни Капитолину Кокшенёву, ни Льва Пирогова, ни, естественно, Владимира Бондаренко, а ведь мы именно о современной литературе и её положении задали бы вопросы Президенту. Российское литературное собрание обошлось полностью без современной русской литературы.

Первого ряда литературы там просто не было. Еле уговорили придти Валентина Распутина, который решил отмолчаться, а после собрания не знал, куда себя деть. О нём все как бы позабыли. Не хотел идти и Владимир Личутин – тоже едва уговорили. Второй ряд литературы не был допущен к выступлениям. Зачем собирались?

Стремясь к объективности, я не скажу, что собрание прошло впустую. Очень по делу поговорили о преподавании литературы в школе, о возвращении школьных сочинений, очевидно, займутся и проблемой переводов литературы малых народов России – на собрании было достаточное представительство всех национальных литератур, от якута Николая Лугинова до чеченца Канты Ибрагимова. Думаю, хоть как-то займутся большой проблемой книготорговли, всё-таки найдут льготы для книгоиздателей и владельцев книжных магазинов, число которых стремительно сокращается по всей России. В малых районных городах их уже просто нет. Но тогда это не литературное собрание, а учительски-книготорговое, издательски-переводческое. Они должны быть рады, но какую литературу они будут поставлять на рынок, по каким книжкам учить детей – об этом не говорилось.

Я не верю в реальное улучшение современного литературного процесса ещё и потому, что воочию убедился, насколько Владимир Путин не приемлет органически любую идеологию общества. Раньше я думал, что это просто общие телевизионные слова, предназначенные западным слушателям. Нет, никакой общей идеологии, то есть комплекса государственных или национальных идей: Президент бежал от идей, как чёрт от ладана! Он не раз повторял, говоря о литературе: "По поводу творческих союзов. Вы понимаете, почему это произошло, мне объяснить не нужно. Так сложилось после развала Союза, после того, как все решили, что идеологические начала творческих союзов должны быть ликвидированы, и на самом деле это правильно. Но вместе с водой, как в таких случаях говорят, и ребёнка выплеснули, поддержка всем творческим союзам испарилась. Хотя её можно было бы деидеологизировать, но в каких-то формах сохранить..." Он даже не подумал: а возможна ли хоть одна яркая талантливая книга без идей?

Белых, красных, зелёных, даже голубых, но идей. Идей авангардных и идей традиционалистских. Президент как бы и зовёт писателей выступить

в поддержку рушащегося государства, но так, чтобы они при этом не высказывали никаких идей. Сам себе противоречит!

С одной стороны, Президент утверждает полную деидеологизацию общества, отрицает любую главенствующую идеологию нации или государства; с другой стороны, он же говорит: “Такой, что называется, литературной страны, как Россия, в мире, пожалуй, нет, несмотря на те проблемы, о которых я сказал, и известное снижение интереса к книге... Именно мы, без преувеличения, несём ответственность перед всей цивилизацией за сохранение русской литературы, за её сбережение, её колоссальный гуманистический потенциал. Наша задача – привлечь особое внимание общества к отечественной литературе, сделать русскую литературу, русский язык мощным фактором идейного влияния России в мире...”

Я думаю, как можно оказывать идейное влияние в мире при отсутствии любых идеологий? Парадокс. Какая-то явная боязнь этого слова.

И второе, что поразило меня на этой моей первой личной встрече с Владимиром Путиным, ибо *телевизионным* словам я уже давно по привычке не доверяю. А здесь я видел живого человека, слышал его, чувствовал его волнение. И удивился какому-то бешеному антисоветизму, который сегодня уже как-то прагматически и не нужен. Не один и не два раза, говоря о проблемах преподавания литературы в школе и общей культуре общества, говоря о книжной торговле и об интересе к чтению, он каждый раз обязательно добавлял совсем не обязательную антисоветскую реплику. Вот примеры: “Мы не можем создать уравниловку советского времени, когда все получали 120 рублей, начиная от инженера и кончая преподавателем, и все счастливы были. Нет, не счастливы. В конечном итоге и страна-то развалилась. Понимаете, поэтому мы будем делать это и дальше, повышать уровень заработной платы в стране в целом, и вот так выстраивая свою политику в области доходов населения...”

Да не от этого страна развалилась, и не было сплошной уравниловки, доктор наук получал зарплату, как директор завода, высокий специалист, токарь или слесарь высших разрядов получали столько же, сколько и академики. А то, что учитель получал, как инженер, – это и было хорошо и инженеру, и учителю. А сейчас Грефу и Миллеру государство – не частная фирма! – платит миллионы долларов в месяц, а писатель за роман получает тысяч тридцать рублей. Или ему ничего не рассказали про писательские нищие гонорары, или ему Устинова с Акуниным нахвастались своими миллионами? Или это и есть искомая демократия?

О необходимости принять закон о творческих союзах, который переведёт писателей и их деятельность в правовое поле, вовремя сказал главный редактор “Литературной газеты” Юрий Поляков: “На сегодняшний день у российских авторов нет законного права быть писателями и объединяться в союз. Раньше союзы имели свои типографии, издательства, могли этим зарабатывать деньги для страны и на свои нужды. Сейчас писатели не могут получить пенсию за свои труды. Сейчас нужны правовые нормы о творческих союзах и статусе творческого работника”.

Президент в ответе Полякову, с трудом вспоминая его отчество, вынужден был сказать о духовном кризисе общества, о спаде нравственности, о варваризации, но при этом добавил: “Я о чём хочу сказать? О том, что много проблем у нас сегодня, очень много. И кое-что из того, что представляло реальную, основополагающую ценность, мы действительно утрачиваем. Но это совсем не значит, что у нас хуже, чем было в советские времена... Конечно, плохо, что профессия писателя не включена в соответствующий правительственный перечень, в перечень специальностей. Более того, даже дело не в перечне. Дело в том, что и в законодательстве она не упоминается... И пенсий нет. Согласен”.

Тем самым, он как бы признаёт, что всё плохо, но обязательно добавляет: “не хуже, чем было в советские времена...”

И вспоминает о процессе над Бродским, о деле Даниэля и Синявского, и, отвечая Сергею Шаргунову на вопрос о нынешних политических сидельцах, обязательно добавляет: “Не сердитесь, ради Бога, что я на вас напал, защищая нашу молодёжь. Я сам всё время говорю о том, что многое из прошлых лет, связанное с моральным состоянием общества, утеряно... Но разве в советские годы было всё нормально? Разве то морально-

нравственное состояние общества можно считать нормативным, когда Церковь загнали в подполье, а священников сотнями загоняли под лёд, во время массовых репрессий все, в основном, помалкивали. А вот сейчас молодой человек рядом с вами сидит – даже намёка нет ни на какие репрессии, на самом деле...”. И впрямь, рядом с Сергеем Шаргуновым сидел блестящий писатель, священник отец Тихон Шевкунов, автор книги “Несвятые святые”. И впрямь, были же когда-то репрессии, но помнит ли о них Владимир Путин? Может, тогда начнём выяснять, кто же загонял в двадцатые-тридцатые годы “священников под лёд сотнями”? Имеет ли это отношение к советской идеологии, или там кроются совсем иные причины? Какое-то антисоветское кликушество – сводить все репрессии к 1937 году или к истреблению священников в годы двадцатые. Может, опубликуем тогда под текстом Владимира Путина все фотографии тех, кто “священников под лёд сотнями загонял”, как это сделал Александр Солженицын в первом издании “Архипелага ГУЛг”. Но его же за это антисемитом обозвали!

И уже совсем в духе антисоветских агиток: “Но это не значит, что нужно вернуться к прошлому... Мы не сможем вернуть, наверное, способы материального поощрения писателей советского времени, когда писатель получал дивиденды с объёма изданной часто не литературы, а макулатуры, и сегодня это невозможно, сегодня нет таких агиток и так далее...”

Как уж он не любит эту “советскую макулатуру”! Неужели так пропитался ею? Только помалкивает про нынешние рыночные агитки. Конечно, как и в любой литературе, была в те времена и макулатура, но так ли она определяла советский литературный процесс? Не помню этого. Может, всё-таки талантливые почвенники спорили с талантливыми западниками, Иосиф Бродский поругивал Вознесенского, а Юрий Кузнецов – и того, и другого вместе? И читала их вся страна, миллионы читателей! Величие что имперской литературы девятнадцатого века, что советской литературы века двадцатого уже очевидно для всего мира.

Уверен, что и наш век скажет своё слово, но только *вооружившись величием замысла*, как говаривал Иосиф Бродский. Вот этого *величия замысла* русской литературы, мне так показалось, откровенно побаивается наш Президент. В своём ответе Юрию Полякову он сказал: “Только знаете что, я сразу хочу об этом сказать: наша помощь будет исключительно техническая и технологическая, чтобы никто ни вас, ни нас не трогал, не обвинял в том, что создаётся какая-то опять на потребу власти, провластная какая-то структура. Мы с удовольствием поддержим творческих людей, которые хотят объединить свои силы для того, чтобы выполнять, как вы высказались, такую социальную функцию – служение обществу. С удовольствием это сделаем, поддержим, конечно...”

Никакой конкретики: ни о новом законе о творческих союзах, ни о возвращении литературы на ведущие телевизионные каналы, ни о единой книготорговой сети – ни слова.

Разве что неожиданно для многих Президент Владимир Путин решительно поддержал Литературный фонд. Когда кто-то из участников собрания с места сказал: “Дело в том, что мы уже говорили на секции прозы о жалком существовании Литфонда. А нельзя ли вернуться к старой практике отчисления в Литфонд с каждого издания книг определённого процента?” – Президент чётко ответил: “Надо подумать. Не готов сразу ответить...”

То, что Литфонд нужно поддержать, у меня сомнений нет. Какие механизмы поддержки – подумаем, в том числе, может быть, и этот вариант. Ладно, подумаем...”

А ведь и впрямь будет здорово, если некий малый процент с каждой выпущенной книги будет идти в Литфонд или в Союз писателей. Никакой государственной поддержки не надо будет, писатели сами со всем справятся. Государство пусть только контролирует.

Владимир Путин выступил с предложением о том, чтобы сделать в России 2015-й годом литературы, порекомендовав писателям подумать над тем, как лучше всего реализовать эту идею. Дай Бог, чтобы из этого какая-то польза вышла.